

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 167.7; 141.2; 323.2; 327.2

СИБИРЬ В МИРОСИСТЕМНЫХ СТРАТЕГИЯХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБЩЕСТВ

А. А. Изгарская, О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
aizgarskaya@gmail.com; olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка интерпретации истории отношений России и Сибири (XI-XXI вв.) на основе миросистемного подхода. Посредством описания политэкономического и культурного аспектов социальной динамики пространственных структур миросистемы осуществлен экскурс в историю Сибири как внутренней периферии российского государства на разных этапах его становления. Показана специфика периферийных связей Сибири с российским государством на этапе соперничающего с Новгородом Московского княжества, Московской мир-империи в процессе генезиса капитализма, Российской империи как полупериферийной зоны европейской мир-экономики, советского государства с системой разделения труда, относительно автономной от мировой, и постсоветского включения России в мировую систему разделения труда. Проведенный анализ позволяет подвергнуть критике ряд базовых положений программы «Сибиризации России», предложенной исследовательским коллективом С. А. Караганова.

Ключевые слова: Сибирь, миросистемный подход, полупериферия, интеграция, внутренняя периферия, геокультура, зона престижа, «Сибиризация России».

Для цитирования: Изгарская, А. А., Персидская, О. А. (2025). Сибирь в миросистемных стратегиях российского государства: к проблеме интеграции периферийных обществ. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 97-114. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.97-114.

SIBERIA IN THE WORLD-SYSTEM STRATEGIES OF THE RUSSIAN STATE: TOWARDS THE PROBLEM OF INTEGRATION OF PERIPHERAL SOCIETIES

A. A. Izgarskaya, O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
aizgarskaya@gmail.com; olga_alekseevna@mail.ru

Abstract. This article attempts to interpret the history of relations between Russia and Siberia (11th-21st centuries) using a world-system approach. By describing the political-economic and cultural aspects of the social dynamics of the spatial structures of the world-system, it provides an insight into the history of Siberia as the internal periphery of the Russian state at various stages of its development. The article demonstrates the specifics of Siberia's peripheral ties with the Russian state at the stage of the Moscow Principality, which competed with Novgorod; the Moscow world-empire during the genesis of capitalism; the Russian empire as a semi-peripheral zone of the European world-economy; the Soviet state with a division of labor system relatively autonomous from the global one; and Russia's post-Soviet inclusion in the global division of labor system. The theoretical conclusions obtained allow us to criticize a number of basic provisions of the «Siberization of Russia» program proposed by S.A. Karaganov's research team.

Keywords: Siberia, world-system approach, semi-periphery, integration, internal periphery, geoculture, prestige zone, «Siberization of Russia».

For citation: Izgarskaya, A. A., Persidskaya, O. A. (2025). Siberia in the World-System Strategies of the Russian State: Towards the Problem of Integration of Peripheral Societies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 97-114. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.97-114.

Введение. В русле изменений внешнеполитической стратегии Российской Федерации, предполагающей разворот с Запада на Восток, Сибирь естественным образом оказывается в центре внимания политиков и ученых. Как в научной, так и в политической риторике снова громко звучит мысль о том, что перспективы развития России будут определяться в Сибири [Новый импульс ..., 2022; Маклашова, Попков, 2024]. Наиболее кардинальные изменения связей России и Сибири предложены в проекте «Сибиризация России» группой ученых под руководством С. В. Караганова¹. Поддерживая общую идею о перспективах сибирского вектора развития страны, о необходимости «перехода к развитию экономики с опорой на внутренний рынок» [Новый импульс ..., с. 13], предпримем попытку посмотреть на связи России и Сибири через оптику миросистемного подхода.

С позиции миросистемного подхода Сибирь является внутренней периферией Российской Федерации. Под периферией будем понимать социально-экономическую зону миросистемы, которая в международном разделении труда обречена на производство товаров с низкой добавленной стоимостью и, как правило, поставляет на международный рынок природные ресурсы и дешевую рабочую силу. Внутренняя периферия в отличие от периферии не имеет политической самостоятельности и может быть частью территории государства ядра или государства полупериферии. В пятисотлетней истории современной миросистемы Россия никогда не входила в ядро капиталистической мир-экономики, но даже в ситуации геополитических обвалов она за счет своих огромных ресурсов и территориального преимущества никогда не была включена в миросистему на уровне периферии. Поэтому связи России и Сибири будем рассматривать как отношения полупериферии и внутренней периферии. Эти периферийные связи с позиции миросистемного подхода являются перспективной областью исследования. В данной работе обозначим лишь основные этапы их формирования и основные характеристики. Вначале кратко опишем методологические основания исследования.

Методология. Политэкономический аспект формирования взаимосвязей полупериферии и периферии. Территориально обширные полупериферии, какой является Россия, способны в своем развитии следовать двум стратегиям, противоположным образом влияющим на состояние внутренних периферий и структуру отношений «центр-периферия». Во-первых, они в состоянии создавать экономику с системой разделения труда, относительно автономной от мировой. Поскольку общество вынуждено брать на себя обширный спектр деятельности, данная стратегия требует создания и развития внутренних и внешних

¹ Караганов, С. А. (2024). Сибиризация: Второй поворот России на Восток лежит «за Камнем». [Электронный ресурс]. *Российская газета*. 05 февр. URL: <https://rg.ru/2024/02/05/reg-sibfo/sibirizaciia.html> (дата обращения: 10.08.2025); Караганов, С. А. (2025). Логистика для Большой Евразии. [Электронный ресурс]. *Российская газета*. 08 сент. URL: <https://rg.ru/2025/09/08/logistika-dlia-bolshoj-evrazii.html> (дата обращения: 09.09.2025).

периферий [Arrighi, 1990]. Как правило, такая ситуация складывается у полупериферийных государств в процессе оттока глобального капитала в зоны, более благоприятные для роста [Bergesen, Bata, 2002]. Советский период является наиболее ярким примером реализации такой стратегии. Во-вторых, полупериферии могут подключаться к мировой системе производства капитала, специализируя свою экономику в соответствии с потребностями стран ядра. Данная стратегия возможна в ситуации расширения миросистемы, когда капитал в поисках дешевой рабочей силы и природных ресурсов движется за пределы ядра, преодолевая возможные сопротивления [Ibid.]. Стратегия ведет к формированию социально-экономического неравенства. Доминирующий центр вытесняет любую конкуренцию, способную появиться во внешней или внутренней периферии, прибегая к помощи внеэкономических средств, там, где экономические средства не срабатывают. Для подавления конкуренции внеэкономические средства используются особенно часто в тех отраслях, которые специализируются на производстве товаров для внешнего рынка. Это ведет периферийные зоны к стагнации. Переход от одной стратегии к другой ведет к обострению социальных конфликтов и утрате ранее накопленных преимуществ [Arrighi, 1990].

Культурный аспект формирования взаимосвязей между полупериферийным центром и его перифериями. Миросистемный подход часто понимается в качестве экономоцентрированной парадигмы, однако это не так. Культурный аспект социальной динамики в миросистемном подходе рассматривается как рядоположенный с экономическим и политическим аспектами [Hopkins, Wallerstein, 1977, p. 113]. Для анализа будем использовать концепцию двух «употреблений» культуры И. Валлерстайна [Wallerstein, 2000]. Культура – порожденная мир-экономикой система идей, ограничивающая и направляющая деятельность социальных групп и человека, выступающая механизмом снятия противоречий и обретения устойчивости в системе. Она «является результатом наших коллективных исторических попыток примириться с противоречиями, двусмысленностями и сложностями социально-политических реалий этой конкретной системы» [Wallerstein, 1992, p. 166]. И. Валлерстайн указывает на существование двух способов «употребления» культуры. При помощи культуры «употребление I» люди устанавливают *межгрупповые различия*. Этот способ адаптирует людей к потоку изменений, поскольку создает иллюзию существования вечных, неизменных, передающихся из поколения в поколение ценностей. Примером может быть цивилизационный подход, который часто нацелен на поиск таких исторических констант. Конкретным примером культуры «употребление I» может служить современная идея «Россия – цивилизация», она позволяет российскому государству объяснять источники и причины внешнего, экономического и военно-политического давления, тем самым снижать внутреннее, политическое напряжение. При помощи культуры «употребление II» устанавливаются различия внутри группы. Этот способ позволяет видеть «более высокие», «более благородные», «более ценные» характеристики совокупности явлений внутри группы, чем адаптирует своих носителей к восприятию различных форм неравенства [Wallerstein, 2000, pp. 114-115].

Геополитический аспект культурных взаимосвязей центра и периферий. Контроль государства над обширной территорией является результатом продолжительного геополитического успеха политической элиты, часто нескольких ее поколений. Имея территориальное и ресурсное преимущество перед соседними государствами, а также

окраинное геостратегическое положение по отношению к мощным конкурирующим центрам, политическая элита способна расширять подконтрольную территорию. Именно это прослеживается в истории России. В процессе расширения государство устанавливает некоторый порядок (на основе культуры «употребление I»), подчиняет ему местное население, используя культуру «употребление II», маркирует их как «иных», например, как «ясачное население», «инородцев» и др. Выходцы из культуры «употребление II» могут быть инкорпорированы в геополитически успешную и поэтому обладающую престижем элиту культуры «употребление I». Культура «употребление I», как правило, представляет собой информационную сеть, опирающуюся на ценности и культурные образцы некоторой расширяющейся зоны престижа – цивилизационного центра. Цивилизационные центры – «зоны лояльности и социальной идентификации» – расширяют свое влияние на большое расстояние посредством сетей притяжения [Collins, 2001, p. 422]. Это центры творчества, которые «строятся вокруг мест, где социальные ритуалы проводятся с максимальной интенсивностью, генерируя эмоциональную энергию и социальную харизму» и формируются конкурирующими интеллектуальными позициями [Ibid., p. 422]. При этом зона престижа может находиться на территории расширяющейся полупериферии (например, Москва для Сибири), в инкорпорированной периферийной зоне (например, Древняя Греция в эпоху господства Рима), за рамками формирующихся связей (например, Константинополь для Московского княжества или европейские центры в XVIII в. для элиты Российской империи).

Переходя к интерпретации исторических явлений, отметим, что связи с Сибирью конкурирующих между собой русских центров (Новгорода, Москвы, Ростово-Суздальского княжества) складываются в эпоху средневековья. Формирование торговых сетей и даннических отношений с Сибирью закладывали основания докапиталистической региональной мир-экономики, связанной с мировыми сетями в большей мере через торговлю пушниной. Столь раннее применение миросистемного подхода не соответствует идеям И. Валлерстайна. Однако, как показывают работы К. Чейз-Данна, Т. Холла [Chase-Dunn, Hall, 1993], Дж. Абу-Луход [Абу-Луход, 2001] и др., миросистемную модель можно использовать для анализа торговых связей в докапиталистических системах.

Результаты и обсуждение. Проникновение русских в Зауралье, в Югру происходило до образования Новгородской республики. Первые упоминания относятся к XI в. [Академическая история Югры, с. 348]. Торговлю мехами и установление с конца XII в. даннических отношений новгородцев, встроенных в торговые сети с европейскими городами, а с XV в. ясачных отношений Москвы с населением Югры, хантами (остяками) и манси (вогулами), можно рассматривать как первый этап формирования периферийных связей. Став периферией Новгорода, «Югра была обязана платить дань серебром ..., пушниной и “иными узорочьями”, т.е. драгоценными вещами или тканями». Это свидетельство того, что Югра вела активную торговлю не только с русскими. «Серебро в этом регионе не добывалось, и вряд ли существовало развитое ремесло ... в обмен на меха в Югру проникало монетное, весовое и художественное серебро из Византии, азиатских стран, Волжской Булгарии, Хазарского каганата и самой Руси» [Там же, с. 358]. Обращает на себя внимание, что в отличие от более поздних устремлений Москвы, активность включенного в международные торговые сети Новгорода не вела к созданию мир-империи, хотя «Югра в это время была не равноправным торговым партнером Новгорода, а объектом именно даннической эксплуатации» [Там же, с. 364]. То, что новгородцы не имели стратегии

превратить земли Югры в периферию мир-империи, объясняет отсутствие условий для складывания объединяющей их с сибирскими народами культуры «употребления I». Сказывалось и активное сопротивление населения Югры поборам. Формами сопротивления были и вооруженные столкновения (например, убийство данников), и уход на восток, в Нижнее Приобье.

Второй этап формирования связей России и Сибири следует отнести к XVI-XVII вв., к началу генезиса капиталистических отношений и подъему Москвы – Третьего Рима, как центра престижа православной цивилизации. Это был период, когда сформировавшаяся на территории России относительно автономная мир-экономика в процессе расширения Великого Московского княжества превращалась в мир-империю. Генезис капитализма (в XVI в. в соответствии с самой ранней датировкой М. В. Нечкиной [Нечкина, 1963], в XVII в. в соответствии с работами Н. М. Дружинина [Дружинин, 1955, 1972а, 1972b], Е. И. Заозерской [Заозерская, 1951])² способствует расширению государства в восточном направлении. К этому периоду относится покорение Сибири Ермаком [см.: Борисенко, Худяков, 2018].

Связи Московского государства с европейской мир-экономикой в этот период были слабыми. Европейский капитал нуждался в русских товарах³, но не обладал еще достаточным потенциалом, чтобы включить Россию в свое экономическое пространство, как это уже произошло с Польшей, поставляющей на европейские рынки хлеб и инкорпорированной на уровне периферии. В конце XVI в. политика правительства становится благоприятной для иностранных коммерсантов. Так, например, торговые связи между европейскими торговыми центрами и Сибирью существовали уже в конце XVI – начале XVII вв. по Ледовитому океану и Карскому морю. Торговля шла настолько интенсивно, что в 1601 г. несколько выше впадения р. Таз в Обскую губу был основан торговый город Мангазея. Однако в этот период растущая московская мир-империя стремится подчинить себе торговые сети мир-экономики и использует для этого внеэкономические рычаги, вытесняет как иностранных, так и не имеющих влияния на власть российских купцов. По требованию тобольского воеводы князя Куракина в 1616 г. иностранцев перестали пускать дальше Архангельска «в виду возможности ... захвата ими края, богатого всякой мягкой рухлядью». Помимо этого князь Куракин стал «направлять торговых и промышленных людей, пришедших морем, назад через Березов и Тобольск на Верхотурскую заставу для того, чтобы “казне в пошлинах потери не было”» [Востротин, 1908, с. 4]. Здесь отчетливо просматривается противопоставление культуры «употребление I», а именно тех, кто радуется за православное государство, его казну, и культуры «употребление II», которую приписывают тем, кого в отличие от «людей государевых» можно заподозрить в том, что они могут «захватить», «присвоить», «нажиться». Но в действительности, как отметил С. В. Востротин, «притеснения ... и лихоимство разных служилых людей при сборе пошлины на разных заставах, устроенных по этому пути, заставили и русских окончательно прекратить торговые сношения морским путем» [Там же, с. 4]. В 1620 г. по новому ходатайству князя Куракина Москва запрещает морской путь в Сибирь даже русским людям под страхом смертной казни. Мангазея исчезает, а северный морской путь был забыт более чем на 250 лет.

² См. также состоявшуюся в середине XX в. в советской науке полемику о генезисе капитализма [Переход от феодализма к капитализму..., 1969].

³ Россия поставляла на международный рынок меха, лен, пеньку, воск, жир, лес, а импортировала металлические изделия и предметы роскоши.

В XVII в. европейский капитал был готов проникать на территорию России, между английскими и голландскими негоциантами шла серьезная конкуренция за российский рынок. В 1649 г. правительство Алексея Михайловича Романова идет на уступки требованиям русских купцов. Используя в качестве повода казнь английским народом короля Карла I, русское правительство запрещает англичанам торговать во внутренних районах страны. В результате борьбы за контроль над ресурсными потоками произошло укрепление связей мир-империи с зоной престижа в Москве и упрочение позиций богатых русских купцов в торговых связях внутри российского и сибирского пространств.

Третий этап интеграционных процессов России и Сибири протекает в сетях миросистемы. На этом этапе в процессе петровских реформ Россия совершает поворот в сторону европейских норм потребления, управления, образцов организации армии, науки, образования и т.д. Затем, в эпоху Екатерины II, встраивается в систему разделения труда в качестве поставщика хлеба, а во второй середине XIX в. – хлеба и нефти (главным образом бакинской [Ергин, 2001]).

К началу XVIII в. почти вся Сибирь была присоединена к России, и в последовавший период ее «второго открытия» инкорпорирующий центр сам постепенно интегрируется в пространство растущей европейской капиталистической миросистемы. Реформы Петра I открывают этот процесс. Обращает на себя внимание то, что смена стратегии развития происходит как результат влияния на молодого наследника московского престола Немецкой слободы, населенной в тот период главным образом иноземными военными офицерами, набранными на царскую службу. Реформы, начатые Петром I после Великого посольства, были нацелены не только на создание современного типа армии, они подключили российское общество к сетям европейских центров престижа. Столица империи г. Санкт-Петербург создавался как часть этой сети, как центр престижа для российского общества. Европейская культура должна была стать культурой «употребление I» для русских. Но принятая русским дворянством европейская культура не могла служить объединению общества, поскольку не могла быть воспринята православным духовенством и православным и другими народами России, которым к тому же она была недоступна. Сложившееся противоречие снималось идеей служения Российской империи, которая в действительности и стала культурой «употребление I». Идея черпала вдохновение в европейской культуре, но позволяла в процессе реформирования общества, государственного аппарата, церкви трансформировать и закреплять разделяющие сословное общество культуры «употребление II».

Обратной стороной реформ стало применение государством насилия к тем, кто оказывал сопротивление. В эпоху Петра I ссылка и каторга были вписаны в карательную систему государства, было упорядочено этапирование ссыльных в Сибирь. Помимо этого, как отмечают А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас: «Именно при Петре на ссылку стали смотреть не только как на охранительную меру, в основе которой лежало насильственное удаление уголовных и политических преступников, но как на источник дешевой рабочей силы, которую можно и нужно активно использовать как на окраинах, так и в центре империи» [Иванов и др., 2023, с. 25].

Экономическая политика Петра I соответствовала принципам меркантилизма и протекционизма. Цены на хлеб на российском рынке были гораздо ниже мировых, и иностранные купцы открыли Россию как возможного поставщика этого чрезвычайно

ценного для Европы продукта. Однако формирование регулярной армии требовало запасов провианта и фуража, в связи с этим торговля хлебом при Петре I еще не была поставлена на поток. Хлеб считался «заповедным» товаром. Петр I начинает торговать хлебом только для того, чтобы привлечь заморских купцов в новую столицу. При этом он устанавливает квоты и запрещает вывоз хлеба в неурожайные годы. В результате в петровский период Россия еще не стала полупериферией миросистемы, более того, как отметил И. Валлерстайн, она вошла в европейскую геополитику «при шпаге» [Валлерстайн, 1996, с. 38].

Только к концу XVIII в., в эпоху царствования Екатерины II, ранее относительно автономная российская мир-экономика специализируется на поставках хлеба и превращается в житницу Европы. Хлебный вывоз быстро растет со второй половины XVIII в. Этому способствовало освоение новых черноземных территорий и приобретение выхода к Черному морю. Хлеб стали вывозить без учета внутренних потребностей. При этом превращение в европейскую житницу не вело к развитию сельского хозяйства, наоборот, оно вело к консервации феодального, экстенсивного способа производства, к усилению крепостного гнета. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева стала реакцией широких народных масс на результаты подключения России к европейскому ядру мир-экономики. Казаки, крепостные, государственные, экономические и горнозаводские крестьяне, рабочие Урала, страдавшие от колонизации земель и усиления государственного контроля народы Поволжья, Урала, Западной Сибири слились в единую волну народного гнева против российского государства.

Четвертый этап отнесем к XIX в. Миросистема в XIX в. претерпевает мощные изменения. Вместе с Великой Французской революцией 1789 г. и принятием Декларации независимости США (1776 г.) приходит четкое понимание неизбежности прогресса. Появляются три идеологии геокультуры, которые по-разному адаптируют европейское общество к мысли о неотвратимых изменениях – либерализм, консерватизм и социализм (радикализм). Распространяясь за пределы Европы, геокультура «присвоила и выпотрошила» альтернативные идеологии [Korhonen, 2023, p. 53]. Геокультура проникает и в российское общество, чье государство после победы в Отечественной войне 1812 г. играет роль жандарма Европы. «Она отчетливо проявилась в идеологиях русского радикализма XIX – нач. XX в. (декабризма, разночинства, народничества, русского марксизма) в содержании консервативного (А. С. Шишков, С. С. Уваров, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров) и либерально-правового (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чечерин, А. Д. Градовский, П. И. Новгородцев, Т. Н. Грановский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев) течений» [Изгарская, 2023, с. 37]. Федерализм Сибирского областничества был одним из результатов этого всероссийского культурного поворота.

К концу XIX в. между российским центром и его восточной внутренней периферией вызревает серьезное противоречие. Развитие заселяемой в течение нескольких веков Сибири с необходимостью требовало расширения связей с рынками для сбыта сибирской продукции. Однако расширение торговых связей Сибири посредством возникшей международной торговли порто-франко в устьях сибирских рек угрожало российским монополиям, которые снабжали регион товарами. Правительство России признавало жизненную необходимость для Сибири портов в устьях сибирских рек, но создавало условия, препятствующие развитию морской торговли, поскольку защищало интересы русской буржуазии, которая боялась проникновения зарубежных товаров на рынки европейской России. Например,

беспошлинному ввозу в 1898 г. подлежали «сельскохозяйственные и другие машины для оборудования фабрик, заводов и всякого рода механических изделий, ввоз неводов и пряжи для них, цианистого калия, хлорной извести, жести, олова и прованского масла, но все это лишь в размерах отдельных предприятий», при этом устанавливались такие «стеснительные правила», которые делали поставки нерентабельными [Востротин, 1908, с. 13-14]. Основные потери от такой политики понесли не иностранные, а русские торговцы и производители, поскольку к 1898 г. почти «вся торговля велась русскими людьми, на русские деньги» [Там же, с. 19]. На ходатайства сибиряков российское правительство вынесло решение: «1) богатства Сибири сомнительны; 2) Сибирская железная дорога пострадает от отвлечения некоторых грузов на морской путь; 3) Государственное казначейство получит недобор в виде таможенных пошлин; 4) русская промышленность и торговля пострадают, как от сбыта иностранных товаров в Сибири, так и от проникновения их в пределы европейской России» [Там же, с. 65-65]. В 1908 г. С. В. Востротин писал по поводу предпринятых правительством мер: «Все это достаточно ярко подтверждает старую истину, как трудно у нас в России что-нибудь созидать и как легко губить» [Там же, с. 17].

Открытие Сибирской железной дороги ставило под удар дворянское землевладение. Несмотря на экстенсивное развитие сельского хозяйства, Россия была лидером в поставках хлеба на мировой рынок. Экономика была построена по принципу, подмеченному царским министром И. А. Вышнеградским: «Сами недоедим, но вывезем». В такой ситуации дешевый сибирский хлеб создавал конкуренцию на международных рынках для поставщиков хлеба из европейской России и опасность разорения для дворянских хозяйств. Российское государство помогло устранить конкуренцию со стороны сибиряков, оно ввело в г. Челябинске «тарифный перелом» (1896–1913 гг.). На российских железных дорогах действовал принцип убывающего тарифа, а именно, чем дальше везется груз, тем меньшим тарифом он облагается, тем меньше плата за «пуд-версту». Для сибирского хлеба этот принцип не действовал. Поступая в г. Челябинск, он перевозился дальше с начислением тарифов так, как если бы г. Челябинск был его первой станцией. Происходило удорожание хлеба, его перевозка в Санкт-Петербург для продажи на международном рынке становилось нерентабельным предприятием. В ответ на это сибиряки увеличивают мукомольное производство, но в январе 1907 г. царское правительство повышает тарифы на муку. Потеряв возможность вывоза муки за пределы Сибири, сибиряки увеличивают количество крупнорогатого скота и занимаются производством масла. Для сравнения эффективности сельского хозяйства в Центральной России и Сибири приведем цифры по экспорту сибирского масла, вывоз которого не сдерживался запретительными тарифами. К началу Первой мировой войны Сибирь давала 9/10 российского экспортного масла [Дамешек и др., с. 258]. Челябинский переломный тариф был отменен перед Первой мировой войной, когда с очевидностью встает задача кормить армию.

Таким образом, стремясь решить проблему малоземелья и нищеты российского крестьянства, царское правительство активно переселяет его в Сибирь, но одновременно проводит запретительную политику по отношению к международной торговле в устьях сибирских рек и устанавливает челябинский переломный тариф на вывоз сибирского хлеба, лишая сибиряков, включая «новопришлых» крестьян, рынков сбыта продукции и необходимого для развития производства иностранного оборудования.

Пятый и шестой этапы – советский и постсоветский. Учитывая сложность предмета, а также резкое расхождение существующих позиций в оценках советского периода, кратко отметим здесь лишь его политэкономические и культурные характеристики связей «центр–периферия», обусловленные миросистемным положением СССР. Сравним их с характеристиками России на шестом этапе, когда она уже была прочно включена в сети неравного обмена с капиталистической миросистемой на уровне полупериферии, а также с современным ее состоянием.

Политэкономический аспект. Для советского периода характерна стратегия разрыва сетей неравного обмена с капиталистическим ядром мир-экономики. По мнению А. С. Панарина советская держава проявляла «загадочную парадоксальность» в отношении к своим перифериям. В монографии «Стратегическая нестабильность в XXI веке» он отмечает способности СССР сохранять культуру и развивать экономику «опекаемых». «Советская империя вместо того, чтобы использовать свою силу для получения экономических дивидендов, как это делали все другие империи, дотировала из своего не слишком богатого бюджета программы индустриализации опекаемых ею стран, строила заводы и обучала молодежь, внушала “комплекс освобождения” вместо комплекса неполноценности» [Панарин, 2004, с. 256-257]. Миросистемный подход позволяет устранить эффект «парадоксальности» и объяснить политику советской власти по отношению к периферийным обществам, опираясь на научные основания. Такая экономическая политика была жестко продиктована потребностью в создании системы разделения труда, относительно автономной от мира капитала. Нужна была не специализированная на хлебе и нефти, а многоотраслевая, передовая, наукоемкая экономика. Без развития внутренних и внешних периферий этого достичь было невозможно. В русле индустриализации всей страны Сибирь со своими уникальными по мировым меркам ресурсами получила импульс развития [Тимошенко, 2018, 2021].

Распад СССР, как и распад Российской империи, произошел в результате чрезмерных затрат на военные нужды и чрезмерного территориального расширения [Коллинз, 2015, с. 99-108]. При этом Российская империя погибла в результате кризиса центральной власти. Региональные элиты, формируемые при стратегии встраивания в миросистему, были недостаточно сильны, чтобы инициировать процесс распада страны. Напротив, важную роль в процессе децентрализации СССР сыграли республиканские элиты, выросшие и окрепшие в условиях стратегии разрыва сетей неравного обмена с ядром. После распада советской системы, образовавшиеся новые независимые государства специализировали свои экономики и активно встраивались в мировую систему разделения труда, конкурируя между собой, особенно в тех отраслях, где специализация совпадала.

Начавшееся разрушение советской экономики, разрыв хозяйственных связей и нарастание общего кризиса сплотили и сибирскую политическую элиту. В условиях неэффективности высшей власти острой становится проблема поиска новых механизмов межрегионального взаимодействия. Ответом сибиряков стало создание Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС). Документ был подписан 2 октября 1990 г. представителями Советов народных депутатов краев и областей Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов СССР. Целью МАСС было «создание интегрированной экономической структуры, объединяющей природно-ресурсный, промышленный, трудовой и научный потенциал региона, что позволяет почти

удовлетворить все нужды территорий за счет собственных источников» [цит. по: Луков, 2009, с. 69]. Некоторые члены Совета МАСС были народными депутатами РСФСР, что делало «Сибирское соглашение» «всероссийской политической трибуной» [Там же, с. 70]. Сибиряки ставили назревший еще в конце 1980-х гг. вопрос о перераспределении доходов от продаж сибирских сырьевых ресурсов [см.: Луков, 2015, с. 176], но сепаратистские настроения сибирские элиты не выражали. «Чаще же речь шла о стремлении добиться внутриэлитного консенсуса через торг регионов с федеральным центром» [Там же, с. 117].

К концу 1990 г. экономика Сибири стала поглощаться крупным московским капиталом. В этот период, как отметил Л. А. Безруков, произошло перераспределение собственности базовых предприятий Сибири между частными общероссийскими компаниями и госкорпорациями страны, а вместе с тем и масштабное, закрывающее для богатейших сибирских регионов возможность развития, изъятие ресурсов. Сети неравного обмена сформированы таким образом, что «значительная часть финансовых ресурсов, имеющих сибирское “происхождение”, минует бюджетные системы самих регионов Сибири, распределяясь сразу между федеральным бюджетом, бюджетом Москвы (или Санкт-Петербурга) и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия макрорегиона» [Безруков, 2018, с. 85]. «В 2015 г. суммарная чистая прибыль (2497 млрд руб.) семи крупнейших компаний и госкорпораций, эксплуатирующих сибирские ресурсы («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Сургутнефтегаз», «Транснефть», «РУСАЛ» и «Норильский никель»), в 1,4 раза превышала совокупный объем консолидированных бюджетов всех регионов Сибири (1764 млрд руб.) и в 7,4 раза превосходила общую величину получаемых ими трансфертов из федерального бюджета (338 млрд руб.)» [Безруков, 2020, с. 31].

В текущей ситуации появляется проект, который предполагает кардинальным способом пересмотреть стратегию развития российского социума. С. А. Караганов предлагает осуществить «сибиризацию всей страны», развернуть вектор развития России на Восток [Караганов, 2024]. Стоит заметить, что в какой-то мере этот поворот уже состоялся, но его результаты не могут не настораживать. Поворот произошел как вынужденное изменение направления развития страны. С 2008 по 2014 гг. достаточно отчетливо проявилось противоречие между геополитическими возможностями накопившего ресурсы российского государства и сформированной экономической стратегией развития страны, предполагающей связь с ядром миросистемы. В условиях разрастающегося конфликта с ядром российское правительство заменило утраченные с ним связи на связи с полупериферийными экономиками Китая и Индии. Ярким примером здесь может быть строительство и введение в эксплуатацию магистрального газопровода «Сила Сибири», и проектируемого «Сила Сибири – 2». Выстраивание связей с полуперифериями в качестве основных несет серьезную опасность периферизации российской экономики, поскольку ни Китай, ни Индия, имея в избытке дешевую рабочую силу, не заинтересованы в организации производств на территории России. Более того, в условиях санкций существует опасность очередного витка деиндустриализации. Подтверждением этому являются планы президента компании «Норникель» В. Потанина перевезти завод по производству меди из Сибири в Китай⁴.

⁴ Потанин сообщил о планах перенести мощности Медного завода в Китай. (2024). [Электронный ресурс]. РБК. 22 апр. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/662632909a79470669937398> (дата обращения: 10.08.2025).

Культурный аспект. Победа Октябрьской социалистической революции, по сути, являлась торжеством радикального направления геокультуры. В качестве направления геокультуры идеология нового, первого в мире социалистического государства отвечала мировой повестке. Интернациональная помощь была частью идеологии, ставшей на несколько десятилетий международной культурой «употребление I». Лозунг коммунистической партии «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» призывал все эксплуатируемые народы сплотиться на борьбу за свободу против власти капитала. Идеи социализма получили особую притягательность в эпоху распада колониальной системы. Капитал уходил из своих внешних периферий, а Советский Союз заполнял образовавшийся вакуум могущества, предлагая новым независимым государствам быструю помощь. Москва стала центром советской цивилизации, центром творчества нового мира. Она посылала «амбассадоров» в разные уголки частей света как носителей созданных в стране Советов духовных ценностей, передовых научных знаний и технологий. Москва принимала своих единомышленников из разных стран и создавала их русскоговорящую элиту. Преобразуя жизнь в соответствии с советскими принципами, они формировали на местах советские культуры «употребление II» и транслировали связи, в которых Москва была организующим и определяющим их развитие центром. Внутри страны, создавая национально-административные единицы, советское правительство также формировало этническую партийную элиту, способную реализовывать задачи, поставленные перед страной Правительством и Центральным комитетом коммунистической партии Советского Союза.

Советское общество было бесклассовым и «в конце 1980-х гг. Россия достигала примерно того же уровня равенства доходов, что и скандинавские демократии всеобщего благосостояния» [Антропов, 2022, с. 31]. Принцип социального равенства был не только необходимым социально-экономическим, но и культурным элементом советской действительности. Многоотраслевая экономика требовала соответствующей системы массового образования, отвечающего задачам развития общества. Множественность функций, которые должно было выполнять общество, обеспечивалась школой, нацеленной на развитие внутренних задатков ребенка, а противостояние миру капитала обуславливало воспитание советского «гражданина-солдата». Нельзя утверждать, что система не порождала противоречий и принцип социального равенства соблюдался неукоснительно. Например, формируемая как зона престижа и благополучия советской цивилизации Москва внесла в историю отечественной культуры такое явление как «лимита». Распространение образцов советской культуры часто вело к «русификации» периферийных обществ⁵.

Процесс встраивания современной России в мировую систему разделения труда сопровождался кризисом советской культуры и созданных в ее поле идентичностей. Москва перестала играть роль зоны престижа советской цивилизации. Теперь не Москва встраивала периферийные общества в свою систему, она сама оказалась центром, встроенным в потоки глобального капитала, устанавливающего нормы производства, управления, потребления, социальной стратификации, образования в зависимости от потребностей стран ядра. Москва превратилась в федеральный центр, где оказались спаянными политическая и экономическая

⁵ Например, тесное сотрудничество СССР и Монголии, как отмечает К. И. Бикмаева, способствовало культурному и экономическому подъему Монголии, но «наносило ущерб национальному самосознанию монголов, поскольку идеологически МНР следовала вектору СССР, не делая поправки на национальные особенности» [Бикмаева, 2022, с. 240].

элиты. Объединив мощь государства с экономическим интересом элит, «рука Москвы» смогла остановить процесс распада страны и получить господство на внутренних региональных рынках. Удержав в своих руках экономические и политические / военно-политические рычаги интеграции, российское правительство утратило средство идеологической мобилизации общества. Несмотря на то, что Российская Конституция декларировала отсутствие государственной идеологии, де-факто она существовала, поскольку зонами престижа для российского общества стали центры, чьи сети притяжения транслировали либеральное содержание геокультуры. Однако став частью этой сети, столица России не могла быть центром творчества, она стала центром инжинирингового менталитета, бюрократизации и легитимации заимствуемых культурных образцов, часто трансформируемых под реалии в разной степени бедных российских регионов [Изгарская, Гордейчик, 2021, с. 108].

Процесс встраивания России в международную систему разделения труда способствовал появлению в российском обществе свойственного для капиталистической миросистемы противоречия между видимым прогрессом и ростом богатства одних групп граждан и реальным упадком и обнищанием других. Данное противоречие снимается культурой, а именно трудовой этикой («Если ты беден, то недостаточно трудился!»), и коллективной ориентацией на потребление [Wallerstein, 2000, р. 271]. С одной стороны, это делает понятным стремление российских постсоветских элит обосноваться в центрах либеральной демократии, а точнее их естественное желание получить в пользование не трансформированную имитацию заимствованного образца, а оригинал. С другой стороны, это объясняет источник надежд на будущее у широких масс, запертых в российской глубинке или в реалиях моногородов, их невосприимчивость к своему унижительному положению и готовность принять сложившееся социальное неравенство. Наблюдая происходящие изменения через экран телевизора, потребляя в изобилии представленные на рынке суррогаты и подделки мировых брендов, человек массы убеждает себя в существовании прогресса. Выработывая как форму психологической защиты прием «временного контрастирования», он уверен, что «сейчас все-таки лучше, чем было раньше».

С началом специальной военной операции (СВО) «рука Москвы» смешала ранее установленные нормы и правила для российского общества. Сформированные бизнесом цепочки создания стоимости с ядром были разорваны, предпринимателям приходится выживать в условиях высоких ставок на кредиты и искать пути спасения производств. Это указывает на опасную тенденцию снижения роли Москвы как центра, определяющего успех экономического развития всей страны. В таких условиях С. А. Караганов предлагает создать в Сибири «третью столицу» наравне с Москвой и Санкт-Петербургом. Предполагается не просто создание административного центра, с которым Москва поделится рядом управленческих функций, высказывается идея переноса центра «духовного, экономического, культурного развития страны» за Урал. Такое предложение можно приветствовать. Очевидно, что расположенная в Сибири третья столица России найдет надежную опору в МАСС. Помимо этого, в этом проекте Сибирь рассматривается как пространство, где будет формироваться «новая российская элита, не зараженная, как многие в Москве и других центральных городах, западничеством, еврофилией». Элиту Сибири должны пополнить «бойцы, которые будут возвращаться с войны с Западом на Украине, должны не только пополнить управленческий класс, но и получить перспективную высококвалифицированную и высокооплачиваемую работу, строя новую инфраструктуру

Сибири. Многие из них останутся там, станут сибиряками, как это было при строительстве Транссиба и БАМа» [Караганов, 2025]. Данное предложение также кажется вполне разумным, тем более что значительная часть участников СВО являются сибиряками, которые просто вернутся домой. В целом проект С. А. Караганова несомненно привлекателен для развития Сибирского региона. Но возникает закономерный вопрос, а что будет происходить со старой «зараженной» западничеством элитой? Как показывает Отечественная история, обновление стратегии развития происходило именно когда старая, несоответствующая запросам времени элита отправлялась в Сибирь. В проекте «Сибиризации России» данный вариант не предусматривается, а это означает, что сложившаяся в конце XIX в. ситуация с перемещением населения в Сибирь, только теперь с «новых территорий», может повториться. С. А. Караганов отмечает, что «Восточный поворот, начавшийся с 2010-х годов, был успешен, но только частично, во многом из-за того, что Дальний Восток был искусственно оторван от гораздо более мощных в человеческом, промышленном, ресурсном отношении Восточной и Западной Сибири. Они же продолжали страдать от “континентального проклятия” – удаленности от рынков» [Караганов, 2024]. Как учит миросистемный подход, «удаленность от рынков» может быть искусственно создана государством, когда речь заходит о благополучии настоящей элиты, близкой власти, связанной с ней классовыми интересами.

Заключение. Очевидно, что проведенный обзор не может быть полным. Например, остался за рамками анализа период включения русских княжеств в сети Золотой Орды. Однако первая попытка интерпретации процессов становления связей России и Сибири на основе миросистемного подхода осуществлена и может стать основанием для обсуждения. Замечания как теоретического, так и эмпирического плана могут только приветствоваться. С уверенностью можно отметить лишь два момента относительно преимуществ миросистемного подхода при исследовании Сибири. Во-первых, миросистемная оптика позволяет увидеть Сибирь через сложную взаимосвязь интеграционных процессов разных уровней, инициируемых одновременно центрами разных масштабов. С позиции миросистемного анализа отчетливо видно, что на разных исторических этапах процесс интеграции Сибири зависел от характера отношений интегрирующего ее центра, его политической и экономической элит с внешней мир-экономикой. Во-вторых, в отличие от цивилизационного подхода, нацеленного на поиск культурных констант, преимущество использования миросистемного анализа состоит в том, что внимание сосредотачивается на динамике культуры, на ее способности объединять людей в группы, фиксируя при этом различия внутри групп, оправдывающие социальное неравенство. Выявление данных особенностей социокультурной динамики позволяет глубже исследовать ее, в том числе обосновывая прогноз потенциальных возможностей утраты единства, как в стране, так и в регионах.

Список литературы / References

- Абу-Луход, Дж. (2001). Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени. *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск. С. 449-461.
- Abu-Lughod, J. (2001). Restructuring the World System Prior to Modern Times. *Vremia Mira*. Vol. 2. Novosibirsk. Pp. 449-461. (In Russ.)

Академическая история Югры: в 8 т. Т. 2: Югра в XI-XVI вв. (2024). Отв. ред. А. В. Головнев. Под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры». 600 с.

Pikhoy, R. G., Golovnev A. V. (eds.). (2024). *Academic History of Yugra. In 8 vols. Vol. 2. Yugra in the 11th-16th centuries.* Khanty-Mansiysk. 600 p. (In Russ.)

Антропов, В. В. (2022). Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления. *Экономика. Налоги. Право.* № 15 (3). С. 21-37. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37.

Antropov, V. V. (2022). Socioeconomic Inequality in the Modern World: Assessment Tools, Trends, and Overcoming Strategies. *Economy. Taxes. Law.* No. 15 (3). Pp. 21-37. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37. (In Russ.)

Безруков, Л. А. (2018). Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири). *Региональные исследования.* № 2. С. 79-89.

Bezrukov, L. A. (2018). Institutional Factor of Interregional Disproportions in Russia (on the Example of Siberia). *Regional Studies.* No. 2. Pp. 79-89. (In Russ.)

Безруков, Л. А. (2020). Трансформация структур хозяйства и населения Сибири на постсоветском этапе. *География и природные ресурсы.* № 4. С. 25-36. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(25-36)

Bezrukov, L. A. (2020). Transformation of Economic Structures and Population of Siberia in the Post-Soviet Period. *Geography and Natural Resources.* No. 4. Pp. 25-36. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(25-36). (In Russ.)

Бикмаева, К. И. (2022). Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике. *Монголоведение* (Монгол судлал). Т. 14. № 2. С. 232-246. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246. (In Russ.)

Bikmaeva, K. I. (2022). Mongolian People's Republic: Stages of Language Policy Revisited. *Mongolian Studies.* Vol. 14. No. 2. Pp. 232-246. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246. (In Russ.)

Борисенко, А. Ю., Худяков, Ю. С. (2018). Малоизвестные версии о покорении Сибири Ермаком в сочинениях европейцев XVII-XVIII веков в российских публикациях. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 17. № 5. С. 30-36. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-5-30-36.

Borisenko, A. Yu., Khudyakov, Yu. S. (2018). Little-known Versions of Yermak's Conquest of Siberia in the Writings of Europeans of the 17th-18th centuries in Russian Publications. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology.* Vol. 17. No. 5. Pp. 30-36. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-5-30-36. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (1996). Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010. *Свободная мысль*. № 5. С. 30-42.

Wallerstein, I. (1996). Russia and the Capitalist World-Economy, 1500-2010. *Free Thought*. No. 5. Pp. 30-42. (In Russ.)

Востротин, С. В. (1908). *Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири*. СПб.: Типография Я. Балянского. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/364282> (дата обращения: 10.09.2025).

Vostrotin, S. V. (1908). *The Northern Sea Route and the Chelyabinsk Tariff Turnaround in Connection with the Colonization of Siberia*. St. Petersburg. [Online]. Available at: <https://www.prilib.ru/item/364282> (Accessed: 10.09.2025). (In Russ)

Дамешек, И. Л., Дамешек, Л. М., Зиновьев, В. П., Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г., Шахеров, В. П., Шиловский, М. В. (2007). *Сибирь в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение. 368 с.

Dameshek, I. L., Dameshek, L. M., Zinoviev, V. P., Remnev, A. V., Suvorova, N. G., Shakhеров, V. P., Shilovskiy, M. V (2007). *Siberia as part of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 368 p. (In Russ.)

Дружинин, Н. М. (1955). *Генезис капитализма в России*. М. 79 с.

Druzhinin, N. M. (1955). *Genesis of Capitalism in Russia*. Moscow. 79 p. (In Russ.)

Дружинин, Н. М. (1972a). Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. *Новая и новейшая история*. № 4. С. 14-35.

Druzhinin, N.M. (1972a). Features of the Genesis of Capitalism in Russia in Comparison with the Countries of Western Europe and the USA. *Modern and Contemporary History*. No. 4. Pp. 14-35. (In Russ.)

Дружинин, Н. М. (1972b). Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. *Новая и новейшая история*. № 5. С. 59-65.

Druzhinin, N.M. (1972b). Features of the Genesis of Capitalism in Russia in Comparison with the Countries of Western Europe and the USA. *Modern and Contemporary History*. No. 5. Pp. 59-65. (In Russ.)

Ергин, Д. (2001). *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. Пер. с англ. М.: Изд-во «ДеНово».

Ergin, D. (2001). *Extraction. The World History of the Struggle for Oil, Money, and Power*. Transl. from English. Moscow. (In Russ.)

Заозерская, Е. И. (1951). К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России. *Вопросы истории*. № 12. С. 88-117.

Zaozerskaya, E. I. (1951). On the Question of the Essence and Main Stages of the "New Period" in Russian History. *Questions of History*. No. 12. Pp. 88-117. (In Russ.)

Иванов, А. А., Курас, С. Л., Курас, Т. Л. (2023). Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII-XVIII). *Научный диалог*. Т. 12. № 2. С. 318-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-318-335.

Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2023). Siberian Exile and Its Reformation during Reign of Peter Great (XVII—XVIII). *Nauchnyi dialog*. No. 12 (2). Pp. 318-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-318-335. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2023). Отечественное образование в процессах глобальной интеграции и противостояния миросистеме. *Философия образования*. № 4. С. 33-48. DOI: 10.15372/PHE20230402.

Izgarskaya, A. A. (2023). Domestic Education in the Processes of Global Integration and Confrontation with the World System. *Philosophy of Education*. Vol. 23. No. 4. Pp. 33-48. DOI: DOI: 10.15372/PHE20230402. (In Russ.)

Изгарская, А. А., Гордейчик, Е. А. (2021). Замкнутый круг неравенства в образовании: к проблеме социокультурных трансформаций периферизируемых обществ. *Философия образования*. № 3. С. 103-119. DOI: 10.15372/PHE20210307.

Izgarskaya, A. A., Gordeychik, E. A. (2021). Vicious Circle of Educational Inequality: To the Problem of Sociocultural Transformations of the Peripheralized Societies. *Philosophy of Education*. Vol. 21. No. 3. Pp. 103-119. DOI: 10.15372/PHE20210307. (In Russ.)

Маклашова, Е. Г., Попков, Ю. В. (2024). Этносоциальные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке. *Социологические исследования*. № 6. С. 144-147. DOI: 10.31857/S0132162524060136.

Maklashova, E. G., Popkov, Yu. V. (2024). Ethnosocial Processes in Siberia and the Far East. *Sociological Studies*. No. 6. Pp. 144-147. DOI: 10.31857/S0132162524060136. (In Russ.)

Коллинз, Р. (2015). *Макроистория. Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.

Collins, R. (2015). *Macrohistory. Essays on the Sociology of the Long Run*. Moscow. (In Russ.)

Луков, Е. В. (2009). Причины создания Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». *Вестник Томского государственного университета*. № 328. С. 67-71.

Lukov, E. V. (2009). Reasons for the Creation of the Interregional Association «Siberian Agreement». *Bulletin of Tomsk State University*. No. 328. Pp. 67-71. (In Russ.)

Луков, Е. В. (2015). Тема «сибирского богатства» в диалоге регионов и федерального центра в 1990-е гг. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. № 3. С. 173-180.

Lukov, E. V. (2015). The Theme of "Siberian Wealth" in the Dialogue between Regions and the Federal Center in the 1990s. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. No. 3. Pp. 173-180. (In Russ.)

Нечкина, М. В. (1963). К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма. *Вопросы истории*. № 12. С. 86-108.

Nechkina, M. V. (1963). On the Results of the Discussion About the «Ascending» and «Descending» Stages of Feudalism. *Questions of History*. No. 12. Pp. 86-108. (In Russ.)

Новый импульс Азиатской России (2022). Под ред. В. А. Крюкова, Н. И. Суслова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН.

Kryukov, V. A., Suslov, N. I. (eds.). (2022). *New Impulse of Asian Russia*. Novosibirsk. (In Russ.)

Панарин, А. С. (2004). *Стратегическая нестабильность в XXI веке*. М.: Алгоритм.

Panarin, A. S. (2004). *Strategic Instability in the 21st century*. Moscow. (In Russ.)

Переход от феодализма к капитализму в России: Всесоюзная дискуссия. (1969). Под ред. В. И. Шункова. М.: Наука.

Shunkov, V. I. (ed.) (1969). *The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia: All-Union Discussion*. Moscow. (In Russ.)

Тимошенко, А. И. (2018). Роль Сибири в индустриальной модернизации СССР. *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 25. № 3. С. 32-37. DOI: 10.15372/HSS20180305.

Timoshenko, A. I. (2018). The Role of Siberia in the Industrial Modernization of the USSR. *Humanities in Siberia*. Vol. 25. No. 3. Pp. 32-37. DOI: 10.15372/HSS20180305 (In Russ.)

Тимошенко, А. И. (2021). Решение социальных проблем в районах нового промышленного освоения Сибири в советский период. *Историко-экономические исследования*. Т. 22. № 4. С. 596-617. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).596-617.

Timoshenko, A. I. (2021). Solution of Social Problems in the Areas of New Industrial Development of Siberia in the Soviet Period. *Historical and Economic Research*. Vol. 22. No. 4. Pp. 596-617. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).596-617. (In Russ.)

Arrighi, G. (1990). The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery. In Martin, W. G., Wallerstein, I. (eds.). *Semiperipheral States in the World-economy*. New York. American Sociological Association; Greenwood Press. Pp. 11-44.

Bergesen, A. J., Bata, M. (2002). Global and National Inequality: Are They Connected? *Journal of World-Systems Research*. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 130-142.

Chase-Dunn, C. Hall, T.D. (1993). Comparing World-systems: Concepts and Working Hypotheses. *Social Forces*. Vol. 71. Pp. 851-886.

Collins, R. (2001). Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*. Vol 16 (3). Pp. 421-437.

Hopkins, T. K., Wallerstein, I. (1977). Patterns of Development of the Modern World-System. [Online]. *Review*. Vol. 1. No. 2. Pp. 111-145. Available at: <https://www.jstor.org/stable/40240765>. (Accessed: 10 August 2025).

Korhonen, J. (2023). Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives. In Payne, C. R., Korzeniewicz, R.P., Silver, B. J. (eds.). *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*. New-York. Routledge. Pp. 42-53.

Wallerstein, I. (1992). *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge: University Press.

Wallerstein, I. (2000). Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System. In *The Essential Wallerstein*. New York. The New Press. Pp. 264-288.

Информация об авторах / Information about the author

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Персидская Ольга Алексеевна – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025

После доработки: 10.09.2025

Принята к публикации: 22.09.2025

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Persidskaya Olga – Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

The paper was submitted: 15.08.2025

Received after reworking: 10.09.2025

Accepted for publication: 22.09.2025